

Эрве Гибер

Я И МОЙ ЛАКЕЙ

Комичный роман

Перевод

Алексея Воинова

Kolonna Publications
Митин Журнал

ББК 84.4 ФР

49†

Hervé Guibert
Mon valet et moi

Редактор: Дмитрий Волчек

Обложка: Алексей Кропин

Верстка: Сергей Фёдоров

Руководство изданием: Дмитрий Боченков

*В оформлении обложки
использована фотография Эрве Гибера, 1981*

© Éditions du Seuil, 1991

© Kolonna Publications, 2017

© Алексей Воинов, перевод, 2017

ISBN 978-5-98144-232-2

*Кристине¹, которая вырезала
фотографию
моего персонажа
из иллюстрированного журнала
в самолете между Токио
и Анкориджем
и которой, боюсь, эта история
совсем ничего не скажет*

¹ Кристина – подруга Тъери Джуно, возлюбленного Эрве Гибера, вышедшая замуж за писателя незадолго до его смерти (здесь и далее прим. пер.).

Я никогда не предполагал, что лакей бу- 7
дет меня любить. Нанимая его, я подозре-
вал, что, скорее всего, он начнет меня не-
навидеть. Это был праздный юноша, ему
случайно досталась главная роль в филь-
ме, но потом ни один режиссер снимать-
ся его не звал. Что ж меня дернуло отпра-
виться тем вечером в кинозал?

Вначале – поскольку ни секретарь, ни ма-
жордом на такую роль не годились, а я, все
реже выбираясь на светские вечера, пердел
все громче, – я подумывал нанять элегант-
ного молодого человека, который на пуб-
лике следовал бы за мной по пятам, делая
вид, что меня не знает, будто ассистент ка-
кого-нибудь престижитатора, и, крас-
нея, покашливая, тихонько бы извинялся
всякий раз, когда я пускал ветры.

Я представлял, как стану водить этого юношу после работы в ресторан, как он будет составлять мне компанию и всякий раз по молчаливому соглашению отвечать метрдотелю, что совсем не голоден, а я, словно боясь обжечься, буду пробовать один только соус, заливший обильное яство, и затем отодвигать блюдо своему работнику, а тот будет с жадностью на него набрасываться. К несчастью, все происходило наоборот.

Еще я хотел нанять мажордома из Пакистана, который не понимал бы по-французски ни слова и, следовательно, не мог разобрать моих разговоров по телефону. Я хотел сохранить то, что еще оставалось от моей личной жизни, а прислуга ведь всегда болтает с соседями и торговцами. Но разговаривать мне теперь почти не с кем и не от кого что-либо утаивать. Все настоящие друзья умерли, последний — еще и двух недель не прошло.

У повествователей в русских романах лакеи, словно псы, спят в коридорах, продуваемых сквозняками, натачивают для дуэ-

лей шпаги и донашивают старые хозяйские вещи. Это неудачники, становящиеся зачастую двойниками господ, они могли бы оказаться на их месте, но из-за происхождения, из-за невзгод, из-за какой-нибудь женщины или игры скатились вниз. Уставшие, они оказываются подневольными, от всего существа их веет какой-то прогорклостью, гнилью. Работают они неохотно, без всякого увлечения, и приказ навощить господские сапоги не вызывает у них никакого энтузиазма.

9

Мой же лакей был настоящим воякой, поэтому я его и выбрал. Жизнь приближалась к закату. Мне нужен был настоящий телохранитель, который поднимет меня, если я упаду, оденет меня, помассирует ноги, если они онемеют и я перестану их чувствовать.

Мой лакей был полной противоположностью типичного русского лакея: на малейшее желание он отзывался с таким пылом, как если бы жест этот – к примеру, вытащить меня из ванной – был для него самого в крайней степени важен. Может, им

двигала неистовая страсть ненависти? Тогда я об этом не знал.

10 Может, он жаждал получить мое наследство? Я сам унаследовал огромное состояние от прадеда, и у меня было астрономическое количество племянников и племянниц, внучатых племянников и внучатых племянниц: посольских секретарей, директоров по маркетингу, адвокатов, пресс-атташе и агентов по продаже предметов искусства. Я не испытывал никаких симпатий к их маленькому миру и знал, что, если не пойду на какие-нибудь невероятные ухищрения – к примеру, возьму и усыновлю лакея, – эти более или менее ненавидимые племянники и племянницы унаследуют состояние моего прадеда, которое я уже начал проматывать, путешествуя по всему свету с моим лакеем.

При этом, как ни крути, – и я отнюдь не считаю себя скупердям, – мне нравится путешествовать в эконом-классе. Даже в Рим я отправляюсь чартерным рейсом «Нуфель фронтьер» за восемьсот девяносто пять франков. Во втором классе видишь людей,

чувствующих себя гораздо спокойнее, нежели в первом. Мне всегда удавалось дурачить тех, кто меня окружал. Мы с лакеем проскальзывали почти незамеченные. Выглядели, как два обычных молодых человека, два брата. Мне восемьдесят, но во время поездок я ношу удобные мягкие кроссовки Nike, обтягивающие джинсы и кожаную куртку; темные очки скрывают «гусиные лапки» у глаз, а бейсболка – следы косметических операций, к которым я прибегаю из этических соображений каждые пять лет с тех пор, как мне исполнилось сорок; гоммаж стоит дороже, нежели операция, а лишнее следует убирать при любом раскладе. И у меня такое впечатление, будто я переживаю вторую молодость. Я слушаю в наушниках ту же музыку, что и лакей, слушаю рэп, который мне не особо нравится, жую жвачки, от вкуса которых меня мутит.

II

Мой лакей – подлинное сокровище. Никогда, ни единым взглядом – в присутствии какой-нибудь девушки на таможне или какого-нибудь в самом деле юного парня, с которым он мог бы почувствовать общность, – не выдаст он моего истинного воз-

раста, ведь ему-то он прекрасно известен: он сам снимает с меня обувь, со всей осторожностью поднимает меня с глубокого кресла, в которое я был вынужден сесть, просовывает мои руки в рукава куртки, надеть которую самому мне порой тяжело, и делает уколы в мои истощенные конечности, а там почти не осталось куда колоть.

С тех пор, как мне исполнилось двадцать, меня поражает такое положение вещей, когда один человек находится в услужении у другого; значит ли это, что мне нравится покорять, поработать? Официанты будапештских таверн в белых одеяниях с золотыми пуговицами, марокканские посыльные в фесках, водители японских такси в хлопчатобумажных перчатках, гарсоны в «Куполе»¹ с подчеркивающей талию перевязью казались мне всегда в высшей степени элегантными, когда вид их не свидетельствовал об отчаянии, вызванном подобной судьбой.

1 Ресторан на бульваре Монпарнас, излюбленное место знаменитостей, в том числе и Эрве Гибера.

Почему лакей от меня не уходит? Иногда я спрашиваю себя об этом. Он снялся в кино, став звездой, когда ему было пятнадцать, но режиссер, придумавший таинственный образ и боявшийся, что стихийное чудо вдруг станет для публики слишком привычным, мешал ему воспользоваться случаем и устроить себе рекламу, придя к Сабатье или Дрюкеру¹, к которым ему так хотелось попасть, а также участвовать в модных фотосессиях и отвечать на пестующие самовлюбленность вопросы смазливеньких журналисток. Режиссер умело вел собственную рекламную кампанию, дабы никто не украл у него звезду, и творил из пятнадцатилетнего дебютанта героя и в то же самое время душил его в неизвестности, дабы после смутного воспоминания о сыгранном персонаже о самом актере никто уже больше не думал. Должен признаться, я не испытываю симпатии к режиссеру, о котором тут речь; в определенном смысле, это он отыскал моего лакея, а не я, как бы мне того ни хотелось. Но я не устраивал лакею проб перед тем, как его нанять: нескольких простых слов

¹ Мишель Дрюкер (р. 1942) и Патрик Сабатье (р. 1951) – знаменитые французские телеведущие, продюсеры.

было достаточно, чтобы каждый из нас возложил на себя кое-какие обязанности.

14

Теперь лакею двадцать лет, никто на улице его больше не узнает и не вспоминает о роли в этом посредственном фильме, который по телевизору никогда не показывают, но он есть у нас на кассете, и иногда мы не без удовольствия его смотрим. Лакей не хотел и не надеялся делать актерскую карьеру. Скорее, он собирался – если бы не встал я ему поперек дороги – работать механиком или же дальнобойщиком. Человек он простой, но довольно ловкий, ведь служит он у меня четыре года.

Это ему пришла гениальная мысль выдать меня за парня из его круга. Однажды он мне сказал: «Месье, вы позволите? Это правда, что в вашем возрасте – если вам в самом деле столько, сколько вы говорите – выглядите вы невероятно молодо, но вот что касается шмоток, то вы в пролете. Эти пиджаки „в шашечку“, обрубленные вязаные галстуки, клёш „от бедра“, пальто из верблюжьей шерсти – хуже не придумаешь. Вы все время жалуетесь, что не може-

те больше ходить, так почему бы вам не надеть Nike, как у меня, вместо этих жутких туфель Berlutti, которые стоят, по вашим словам, бешеных денег и которые я должен начищать, если позволите, месье, каждое утро, тогда как мог бы делать для вас что-то более полезное. Вот увидите, в кроссовках вы опять будете бодряком, они дико удобные, у вас больше не будет спазмов, вам больше не надо будет опираться о мою руку в конце прогулки. Машине, к примеру, нужны подвески. Ваш старый каркас проржавел, прежних подвесок нет и в помине. Вместо них вам прекрасно послужат кроссовки».

15

Меня не оставляла мысль заставить лакея носить форму, а в результате носить ее вынудил меня он. Я все никак не мог выбрать для него тип одежды: мне бы так хотелось видеть на нем одну из этих ливрей с воротником – цвета черного или красного – с большими золочеными или посеребренными пуговицами, какие носят официанты «Синего экспресса»¹ с плотно обтянуты-

1 Ресторан в необарочном стиле, расположенный на Лионском вокзале, исторический памятник Парижа.

ми бедрами и задом. Говорят, гомосексуалы любят форменную одежду – у моряков, пожарных, военных. Я не из таких, однако меня всегда завораживала – почти в эротическом смысле – одежда прислуги любого сорта. Вплоть до самой тоскливой, которую носят бедняги, встречающиеся лишь на служебных лестницах, с щеткой в руках, когда гостиничный лифт неисправен, жалкий полосатый фартук криво повязан поверх засаленного воротника, усыпанного перхотью. Тоскливая спецодежда этих людей, которым пора уже на покой, вызывала у меня желание погладить их по голове, хотя такой жест и не имел бы смысла, поскольку бытие не может более их утешить.

Как только я заявил о форме, лакей сразу же запротестовал. Тогда ему было около семнадцати. Он сказал: «Извините, месье, но никакую форму носить я не буду. Вы бы выиграли, если б сказали: „Или надевайте форму, или я вас уволю!“ – тогда бы я сразу ее напялил. Но этого не будет, прежде всего, потому, что содержание подобной одежды в безупречном виде и, следовательно, несколько переодеваний в день отнимут уйму времени, когда я мог бы выполнять

ваши более существенные распоряжения. К тому же, если уж говорить о форме, то почему именно об этой? Почему бы тогда ей не соответствовать ситуации? Может, мне следует надевать халат, который носят врачи парижских больниц, когда я делаю вам массаж, а потом менять его на халат медсестры, чтобы сделать укол? А потом, когда мы отправляемся на прогулку в машине, – костюм шофера с фуражкой и, пока вы ждете, напяливать старые стоптанные туфли и брать корзинку, чтобы идти на рынок? Вы что же, хотите меня унижить? Мы – парочка параноиков, желающих, чтобы никто их не замечал, так что не очень-то разумно с вашей стороны пытаться нарядить меня официантом „Синего экспреса“. Повторяю, будет гораздо лучше, если вы оденетесь как я, тогда никто не обратит на нас никакого внимания, когда мы отправимся в путешествие».

17

Лакей говорит совсем не так. Я едва могу воспроизвести его столь своеобразный стиль речи, который мог бы сравнить в чем-то с Расином, а в чем-то со Святым Антонием, и все спрашиваю себя, где он такого набрался. Зря я писал для знаме-

нитых театров, со временем я понимаю, что никогда не умел подобрать нужных слов для своих персонажей. Может, потому, что в реальной жизни персонажи мои не существовали. Лакей существует на самом деле, и я слушаю его дни напролет, пока он вдруг не замолкает надолго, и иногда пытаюсь запомнить наизусть или тайком записываю некоторые ошеломительные фразы, которые он выдает, однако я неспособен воспроизвести их со всей точностью.

Когда я писал для театра, я был юным циничным денди, хотел зарабатывать, не имея при том никакой нужды, поскольку получил наследство от прадеда, я строил пьески в самолетах на пути между Мадейрой и Тенерифе, между Лондоном и Бангкоком отчасти лишь для того, чтобы убить время; вернувшись, я отдавал их секретарю перепечатать, – у меня не хватало смелости что-то править, – и секретарь сразу же отправлял всё литературному агенту в Нью-Йорк, и за эти идиотские пьески хватались комедийные звезды всего мира и дрались друг с другом, чтобы играть их на сценах Копенгагена, Мадрида

или Амстердама. Самой верной исполнительницей была Дагмара Хильдекниффе – финская Жаклин Майан, – играя на сцене одну из моих комедий, она и скончалась. В то время я думал, что у меня есть какой-никакой талант для написания скетчей и что мастерю я их хорошо, как говорят критики, что была это словно часовая механика, настолько все оказывалось точно, но с течением времени должен признать, что сцены эти были попросту неестественны и нелепы. Мне становится стыдно, когда какую-нибудь из них иногда вижу по телевизору. Подписывал я их английским псевдонимом. И до сих пор я так и не признался лакею, кто автор ахинеи, из-за которой он складывается пополам от хохота, когда ее показывают в передаче «Сегодня в театре» с измученными актерами. К счастью, я никогда не хотел написать что-то большое. Может, однажды я и сотворю нечто правдоподобное, если мне удастся описать отношения, связывающие меня с лакеем, что я как раз и пытаюсь делать в довольно сложных условиях, поскольку должен скрывать от него свои попытки и могу писать лишь тогда, когда он идет по магазинам или отправляется в банк за деньгами.

Я наделил его определенными полномочиями, и до сих пор никаких проблем с этим не было. Он имеет право брать на текущие расходы по пятнадцать тысяч франков каждые две недели. Однажды лакей меня раздосадовал в связи с моим шотландским поверенным Кингсли, который вел дела в Эдинбурге. Он обвинил его в воровстве. И составил короткое сухое письмо, вынудив меня поставить в конце росчерк, приказывая обналичить в течение недели все имевшееся в Шотландии состояние и перевести полученные средства на счет в Вормсе. В Париже у меня открыто два счета, один в Вормсе, другой в Лазарде, – так советовал мне прадед, когда я был еще маленьким, – на случай, если один банк лопнет. Кингсли, бывший своего рода другом, останавливавшийся, когда приезжал в Париж, у меня дома на рю Варенн, на письмо ничего не ответил, выполнив в срок то, что предписал ему мой лакей.

Теперь лакей управляет всеми делами. Единственная забота – утаить от него, откуда берутся деньги, которые каждые полгода перечисляет ОДАК¹ за авторские права на мои

1 Общество драматических авторов и композиторов, основанное в 1777 г. Бомарше, самое старое фран-

пьески. Проблема очень серьезная, и я даже подумывал распорядиться, чтобы эти деньги перестали указываться в документах. Каждый раз лакей показывает мне отчеты и спрашивает: «А это еще что за деньжищи? Объясните, что такое ОДАК?» Я отвечаю, приняв рассеянный вид: «Это моя пенсия». И он тогда: «Как-то многовато для человека, который всю жизнь плевал, по вашим же словам, в потолок: еще и пенсия!»

21

Отныне лакей занимается еще и торгами на бирже. Говорит мне: «Месье, было бы хорошо продать сейчас ФНАК и купить Virgin. Также советую месье как можно быстрее вложить пятьсот тысяч франков в McDonald's». Спрашиваю его: «А сколько это в старых франках?» – «Пять мультёнов». – «А что такое McDonald's, это шотландцы? Если уж брать Соединенное Королевство, то почему бы тогда не что-то, вызывающее доверие, Burberry's, например, или Old England?» – «Мой бедный месье, Burberry's нынче никому даром не нужен, вы безнадежно отстали. Доверьтесь мне, вы еще никогда ничего не теряли, когда следовали моим

цузское предприятие, занимающееся ведением авторских прав.

советам». И лакей заставил меня поменять Институт Мерью на Toshiba и Центр Беллона на Mitsubishi, утверждая, что все это в интересах будущего. Поменял все доллары в иены. Лакей ненавидит японцев, говорит, что это нация муравьев и именно поэтому в них и стоит вкладывать. Говорит: «Если бы я был деловым человеком, то работал бы только с японцами, занимался экспортом и импортом на всех уровнях. А, если бы был таким господином, как вы, нанял лакеем японца, – они более угодливы, нежели мы, – и развлекался бы, давая ему поручения, о которых вы, месье, и подумать не можете. Японцы ведь мазохисты, у них это в крови, месье. Это так же ясно, как то, что они узкоглазые. Мазохизм – практика, при которой выделяется огромное количество энергии, и надо уметь ею управлять». Да, лакей говорит вещи невероятные!

Лакей нашел общий язык с моим банковским представителем в Вормсе – Рено де ля Мартиньером, – а тот просто помешанный. Поэтому-то я и счел его своим, предложив должность, еще до того, как посмотрел фильм и нанял лакея. Во время первой

встречи у меня дома, в зеленой гостиной, Рено де ля Мартиньер сказал: «Доверьте мне ваши деньги, и я пушу их по ветру. Сгодится любая сумма, ручаюсь, поскольку деньги ничего не стоят. Единственное, что имеет в наши дни ценность, – это сделанные в молодые годы компрометирующие снимки, которые мы храним потом в сейфах. Снимки, где мы позируем, переодевшись женщиной, если вы понимаете, о чем я». – «Вовсе нет, – ответил я. – Таких снимков не существует, поскольку я никогда, – слышите, – никогда, даже маленьким мальчиком, не позволял никому меня фотографировать, даже собственному отцу, который был фотографом выдающимся, и, тем более, никогда я не переодевался девочкой!» – «Наиглавнейший же капитал мужчины, – продолжал Рено де ля Мартиньер, которого я немедленно решил взять на работу, впечатленный подобной экстравагантностью, – наиглавнейший капитал – это красивые ноги, гладкие, мускулистые, побритые, если понадобится, которые не стыдно показать, будь то на пляже или в бассейне». В бюро Рене де ля Мартиньера, где мы встречались с ним до того, как меня заменил лакей, на стене висят фотографии шикарной женщи-

ны, которые, вероятно, мне бы понравились, когда я был молод, если бы я не знал, что на самом деле на них изображен мужчина, мужчина с великолепными ногами, обтянутыми сетчатыми колготками, в туфлях на шпильке, с кожаными браслетами на лодыжках – настоящая доминатрикс. Я – один из немногих, кто знает об этом секрете, кто знает, что женщина эта – не кто иной, как сам Рено де ла Мартиньер. Коммерческие партнеры, придя в его кабинет и видя фотографии, часто говорят: «Какая красота! Мадам – ваша супруга?» – «О, мы столь близки, что вы даже не можете себе представить!» – отвечает банкир, чуть улыбаясь, и мне известно, какая на то причина.

Мы с лакеем всегда спали в соседних комнатах. В конце концов я уступил ему в особняке на рю Варенн свою спальню, а сам теперь сплю на диване в гостиной рядом, так гораздо практичнее. Не надо звонить ни в какой колокольчик. Зову его, и он тут же прибегает подать мне ночной горшок, поддержать мне голову, когда я пью воду, приготовить горячую ванну для ног или укрыть

меня вторым одеялом, теперь я все время зябну. Когда я его не зову, лакей поднимается сам, чтобы посмотреть, как я сплю и все ли в порядке, удостовериться, что дыхание у меня ровное, а, если непонятно, дышу ли я, он потихоньку берет меня за руку, чтобы сосчитать пульс, или просто наклоняется послушать, бьется ли сердце. Он никогда об этом не говорит, но я понимаю, что он страшно боится, как бы я не умер ночью во сне, а, меж тем, это лучшее из того, что со мной может еще случиться. Стало быть, он боится, как бы потом семья, жаждающая получить наследство, не обвинила его, что он придушил меня подушкой или ввел слишком большую дозу лекарства. Но так или иначе однажды восьмидесятилетнему человеку настанет пора уйти. Очень странные ощущения, когда открываешь посреди ночи глаза и видишь стоящего рядом лакея – в домашнем халате или пижаме, которую я носил, когда был молод, или же голого, с накинутой на плечи меховой шубой, которую я заказал себе, когда ездил в Москву, – лакей смотрит во мраке, не говоря ни слова, сверля меня взглядом поблескивающих желтых глаз. Иногда это меня пугает.

У меня больше нет права заходить в бывшую спальню, теперь это спальня лакея, где спит он в постели под балдахином, принадлежавшей моей прабабке. Прабабушка и прадедушка тоже спали в соседних комнатах. Понятия не имею, чего такого творит лакей в моей бывшей спальне, он говорит, что у него нет никакого имущества, так что ему нужен хотя бы собственный маленький угол, куда никто и носа не сунет. Он называет это своей «берлогой» или же «лисьей норкой». Берлога эпохи Регентства размером в шестьдесят квадратных метров. Мне было бы любопытно как-нибудь туда зайти и взглянуть, как он там обустроился на свой лад.

Лакей уволил всю домашнюю челядь, моего старого секретаря и горничную, заявив, что тратить на них деньги – все равно что выбрасывать на помойку, ведь эти люди никуда не годятся, они лентяи. Горничная и секретарь теперь утверждают, будто он угрожал им ножом, я при том не присутствовал. Лакей хочет следить за всем сам, напоминая, что он не безграмотный и прекрасно может держать дом – даже такой большой – в одиночку. Должен признать,

что, благодаря ему, я экономлю на водителе, массажисте, медсестре, носильщице, когда путешествую, и еще на домработнице и секретаре, всех их заменяет один лакей – самый преданный, какого только можно представить, хотя у него и случаются припадки страшного гнева.

27

На днях из-за нелепого разноглася он одним ударом вдребезги разнес новую модель Sony Trinitron, которую всего две недели назад я поручил купить за шесть тысяч девятьсот девяносто франков в Darty. Я хотел посмотреть развлекательную передачу, а он футбол. Он говорит, развлекательные передачи в моем возрасте не служат отдохновению, они всех отупляют, все обесценивают, у него целая теория по этому поводу, а вот футбол – зрелище безупречное и, к тому же, весьма бодрящее. И вот тебе – опля! – Бабах по телевизору! – Кровища, бинты, и целую неделю не может ничего делать: в магазин не сходить, дома сплошной беспорядок. Есть нечего, никакого тебе телевизора, сигары конфискованы, водка спрятана, валяюсь с самого утра в постели с омерзительным настроением. И даже это нельзя,

нельзя полежать на моем диванчике, лакей запрещает: «Что я вижу, – заявляет он мне, – месье в постели в такой-то час! Это неблагоразумно. Постель вас уже не отпустит. Ну-ка, давайте я помогу вам встать!» Но заняться-то нечем. Классическую музыку лакей ненавидит. Все любимые книжки, которые мне так нравилось перечитывать, он либо выкинул, либо рассовал по углам, что теперь не отыщешь, поскольку он полагает, они вгоняют меня в тоску. Забинтованной рукой отбил мне ягодицы, чтобы сделать укол. Я умолял, чтобы он позвал медсестру. Но он был непреклонен: «Буду колоть месье даже с одной рукой, медсестры же повсюду суют свой нос, хуже домохозяек. Под любым предлогом – к примеру, что им срочно потребовалась вата, – способны обшарить всю мою спальню».

Лакей ненавидит врача, которого можно назвать моим лучшим другом, учитывая, что он наблюдает меня последние тридцать пять лет, а все остальные друзья скончались. Конечно, я могу обойтись и без своего врача. В конце концов, он нужен лишь для того, чтобы заполнять бланки на даль-

нейшее возмещение медицинских расходов за счет социального страхования. Но так ли мне оно нужно, это возмещение? С другой стороны, разве не глупо терять деньги, на которые ты имеешь право? Я уже устал принимать эту кучу таблеток, поддерживающих мою жизнь: натироз для работы сердца, тенсофорил от давления, сурвектор для улучшения кровоснабжения мозга, аркалион-200 от старческого маразма. Порой у меня возникает желание ничего больше не принимать, лишь делать вид, будто я продолжаю все это заглатывать, чтобы лакей не нервничал.

29

На днях лакей рассказал, что рос в детском доме и не знает, кто его родители. Эта откровенность меня удивила, поскольку лакей никогда не говорит о себе. В одиннадцать лет, продолжал он, его спланировали в исправительную колонию Меттрэ, так как он подворовывал. Показал мне маленькую помятую фотографию того времени – короткая стрижка, прыщавая кожа, вид довольно-таки скверный, – подобие антропометрического снимка, сделанного врачом возле ростомера. Лакей рассказал, что в Меттрэ дети спали в неудобных под-

весных койках, закрепленных меж обычными бревнами, над которыми возвышались распятия и статуи Святой Девы, койки висели рядами, чтобы все могли друг за другом следить и доносить друг на друга, за детьми надзирали и колотили их прежние рецидивисты, которых теперь поставили муштровать младших, и рецидивисты своим положением пользовались, проговорил лакей с мечтательным видом. Именно в Меттрэ режиссер, который, конечно, не оставит значимого следа в истории кино, прослушивал мальчиков и выбрал моего самородка. Идея должна была прийти мне первому: отправиться искать лакея в Меттрэ и нанять его прямо там без всякого киношного посредничества и съемок, которые его испортили, говорит он мне, и научили лгать. У юных созданий, ставших вдруг кинозвездами, судьба зачастую складывается весьма печально. Актер, игравший в фильме «Лакомб Люсьен», разбил на мотоцикле, который купил сразу, как стал совершеннолетним, на гонорары от съемок. Малышка из «Странной девчонки» через несколько месяцев после съемок умерла от лейкемии. Подросток, снявшийся у Брессона, стал после фильма бродягой в жалких лохмотьях, и его постоянно гна-

ли из музыкальных магазинов, куда он ходил, чтобы целыми днями слушать диски, не давая никому воспользоваться наушниками и, будто шелудивый пес, набрасывался на всех, кто пытался их у него отобрать. Я думаю еще об одном человеке, который обрек себя на трагическую судьбу, женившись на сказочно богатой особе, а до этого служил вышибалой в ночном клубе. Может, я избавил лакея от какой-нибудь схожей гибели. Может, в этом и кроется причина, по которой, кажется, он испытывает чувство признательности и демонстрирует непреходящую верность.

31

Лакей меня бреет и ни разу еще не поранил. Хотя мог бы, тут ничего не скажешь, но он очень внимателен. Мои руки уже не дотягиваются до подбородка. Лакей бреет по всем правилам искусства; начинает с того, что надевает на меня нейлоновый халат цвета зеленого миндаля, затем обматывает под кадыком шею полоской стерильной марли, раскладывает бритву с эбеновой рукояткой и длинным лезвием и принимается ее править механической точилкой с каучуковой стяжкой; он меня пудрит, едва касаясь, увлажняет раздра-

женные места специальными лосьонами, смазывает шею кремом, щеки смачивает одеколоном. Лакей – настоящий мастер бритья, вдохновенный и педантичный изобретатель, он заявляет, что научился этому в армии, хотя мне прекрасно известно, что он нигде не служил; и произошло это, кстати, не без моего участия, хотя именно об этом он и не знает, поскольку сам-то он мечтал примкнуть к морякам или десантникам, – но не в таком же юном возрасте! – и часто теперь с горечью повторяет, что согласился на мое предложение о работе лишь в ожидании столь желанного момента, когда вернется в строй. А мне вовсе не хотелось смотреть, как он сматывает удочки, мне достаточно было снять трубку и позвонить одному очень высокопоставленному приятелю, который нынче уже в мире ином, и лакея отчислили по причине умственной отсталости. Через несколько дней он вернулся, страшно перепуганный, не осмеливался мне признаться, из-за чего именно освобожден от службы, сказал: «Шумы в сердце! Чепуха какая-то!», – ему было стыдно. Потом проговорился: «В этой армии одни тупицы! Это я-то умственно отсталый?! Бритоголовые психи!»

Лакей невероятно деликатен в отношении всего, что касается зубов. По этой причине я даже порой забываю, что у меня-то уже ни одного нет, это больная для меня тема. Он ведет себя так, словно уверен, что у меня свои зубы, а не вставные челюсти, которые он каждый вечер сам чистит и каждое утро украдкой протягивает мне в стакане с водой, из которого я будто бы должен попить, а он ненадолго отворачивается. Но, правда, однажды он выдал нечто, приведшее меня в растерянность: «Я не шушу, месье, – начал он, – я готов отдать вам собственные зубы, обменять ваше приспособление на свои настоящие зубы, дантист вырвет их один за другим и пересадит вам, и тогда ваша улыбка будет уже не такой застывшей, а у меня рот окажется полным золота!» На такое предложение я никак не отреагировал, только сказал: «Что за странная мысль! Ты что же, не дорожишь зубами? Смотреть на постоянно сомкнутые губы молодого человека гораздо неприятнее, чем на неподвижные губы у старика». – «Неужели месье подумал, что я говорю серьезно?» – ответил лакей. И пошел готовить для меня ванну. Когда я принимаю ванну, он столь же ловок, как и при чистке зубов. Никогда не смот-

рит на мое тощее тело, словно его у меня и нет, взгляд может скользнуть по нему, но ни на чем при этом не останавливается, проходит насквозь, будто это не тело, а эктоплазма. Я постоянно мерзну, поэтому лакей старательно растирает мои ноги полотенцем, говорит: «Сейчас ножки месье будут как у младенца!» Такая же сдержанность относительно моего болтающегося члена и обвисших ягодиц, он быстренько проходит по ним полотенцем, приговаривая: «Вот так!», – будто смахивает тряпкой пыль с черной китайской мебели, словно я столик с кривыми ножками, который постоянно пылится.

«Почему бы вам не написать мемуары? – спрашивает меня лакей. – Вас бы это заняло, а я бы наконец что-то о вас узнал, тогда бы вы дни напролет так не томились». Я отвечаю, что моя жизнь не представляет никакого интереса, я никогда не делал ничего стоящего внимания, не общался со знаменитостями, и даже мои путешествия были вполне заурядны, никакой оригинальности, в конечном итоге, типичное массовое развлечение в духе «Средиземноморского клуба». Он по-прежнему не в кур-

се, что я пишу о нашей истории. Говорит мне: «А ваши любовные похождения? Почему бы вам не рассказать о них? Это, наверно, было захватывающе, а?» Я начинаю подозревать, что он смеется надо мной, отвечаю, что и с этой стороны я никак не блистал, завоевания мои были, скорее, жалкими, а воспоминания столь расплывчаты, что даже не знаю, принадлежат ли они мне самому.

35

Лакей постоянно пытается засунуть мне градусник под мышку, мне же хочется, чтобы он вставлял его, как в добрые старые времена, в дырочку. Мышцам уже не хватает сил, чтобы держать градусник, сжав под мышкой, он выскальзывает, показывая всегда не выше тридцати пяти. Если уж лихорадит, то хотя бы температуру можно померить. Тело немеет от холода, но внутри-то тепло. Лакей говорит, что это привычки варварские, устаревшие и, к тому же, нечистоплотные, что только французы могут заниматься таким непотребством, вставлять в зад свечки и градусники, что ни немцы, ни испанцы, какая бы ни была у них там культура, на такие извращения не способны. С другой стороны, ла-

кей активно пропагандирует горчичники, и я могу воспользоваться этим ярким его убеждением при малейшем намеке, например, на ангину. Вначале чувствуешь на коже холод и влагу, потом понемногу становится все теплее и теплее, начинает пылать и, наконец, это уже невыносимо, я умоляю убрать горчичники. «Потерпите еще немножко, – говорит лакей, – потом я посыплю тальком. Для вас же стараюсь, чтобы легкие стали, как у младенца, а вы все ворчите. Если б вы находились сейчас в доме престарелых, никто бы с вами так не возился». Наконец, лакей снимает компресс и осторожно проводит пальцами по пунцовой коже.

Лакей готовит все в микроволновой печи. Продукты получают обжигающими, а я этого терпеть не могу, от них пышет жаром чудовищным, каким-то искусственным, вредным, демоническим. Себе лакей каждый раз разогревает девять сочащихся виноградных улиток, затем заглатывает приправленный петрушкой и чесноком сок, и всякий аппетит у меня пропадает. Я больше ни к чему не притрагиваюсь. Я отказался от своих любимых плоских устриц

и колбасы из белого мяса, запах улиток вызывает у меня омерзение. Теперь я лишь пью – мюнхенское пиво и аквавит. Каждый раз врач говорит, когда лакей провожает его до двери, – они там шепчутся, но я не настолько туг на ухо, как они думают, – что при таком истощении мне осталось всего несколько недель, но иногда он меняет формулировку: «Следует привыкнуться с мыслью, речь лишь о нескольких месяцах». Однако алкоголь очень даже насыщает. Лакей говорит, что вся моя плоть им пропиталась, что от меня просто разит эфиром. Я весь распух. Началось со ступней, потом пошло по ногам вверх, распухли пальцы рук, ногти под давлением распираемой плоти растрескались. Руки теперь похожи на клешни краба, ноги напоминают копыта. Я не могу больше надеть шлепанцы, не в силах натянуть перчатки, когда мы отправляемся на прогулку в автомобиле. Я взял чешскую «шкоду» из соображений экономии и, главное, из-за того, что эта марка всем примелькалась. С выплатами за авторские права я мог бы купить и ролс, но не люблю, когда на меня обращают внимание; чтобы жить счастливо, надо сохранять тайну. Лакей сидит за рулем маленькой «шкоды» оттенка индиго, которую мы

выбирали вместе, а я на заднем сидении, как настоящий господин за спиной своего водителя. Я слежу за выражением его лица в зеркале дальнего вида, но он никогда не отвечает на мой взгляд, глядит лишь на дорогу, такой же упертый, как автомат. Мы направляемся в лес Рамбуйе, где я случайно углядел завод по переработке книг Маргерит Дюрас – писательницы, пользовавшейся популярностью в восьмидесятые годы¹. Я прошу остановить машину возле завода, опустить стекла и раскрыть дверцы, чтобы лучше слышать божественный шум бумаги, раздираемой стальными челюстями, превращающими ее в массу, из которой получится бумага новая, чистая. Мне даже кажется, я слышу, как стонет на берегах Ганга вице-консул Лахора². Занятие это лакея вовсе не развлекает, он находит его нездоровым, спрашивает: «Что вам сделала эта бедная женщина?».

Решил подарить лакею на Рождество поездку в Бангкок, вспомнив о прекрасных

1 Эта сцена – своего рода месть писательнице, выступавшей в издательстве «Минюи» против Эрве Гибера.

2 Один из главных персонажей ряда книг и фильмов Маргерит Дюрас.

днях собственной молодости, о прекрасном массаже. Мы остановились в пентхаусе Hilltop. Я снял люкс из двух отдельных квартир, чтобы нас ничего не стесняло, если лакею вдруг захочется приключений, – чего я напрасно жду вот уже десять лет, – здесь их отыщешь на каждом шагу. Все молоденькие женщины, будто цветы, готовы вот-вот раскрыться. Когда обрушивается ливень, вода просачивается в щели вокруг стеклянных дверей и заливает ковер, мы пытаемся заткнуть их бумажными полотенцами. Дождь начинает идти внезапно, по несколько раз в день, везде потоп, и вдруг все прекращается, город внизу вновь становится сине-серым, мерцающим, переливчатым, подернутым дымкой от испаряющейся влаги. Я захотел отправиться в «Шангри-ла», – в мое время это был настоящий дворец сладострастия, – но идея не удостоилась особой чести и, похоже, никак лакея не воодушевила. Я украдкой за ним наблюдал, он смотрел на девушек отсутствующим взглядом, без отвращения, но и без какого-либо желанья, точно так же он смотрел и на дно стакана, допивая джин, с некоторой меланхолией, словно уже ничего не будет – после того, как закончится танец в лучах прожектора,

выхватывающего женские тела из темноты возле металлического шеста, – не будет никакой надежды, никаких ожиданий, никакой выпивки. Я прошептал: «Их можно купить, дарю любую, выбирай, какая тебе по вкусу. Поднимешься с ней наверх, оставайся там, сколько захочешь, я подожду».

40 Он отказался, проговорил: «Я не оставляю месье одного в таком месте, я бы лучше сходил в боулинг». В боулингах Бангкока за кеглями смотрят дети, они некрасивы, к торговле телом никак не пригодны, лишь мелькают их маленькие, тщедушные ножки, бегущие где-то там от одной дорожки к другой.

Думаю, шум ливней действует лакею на нервы. Звуки, словно при обстреле. Ни с того ни с сего он решил вдруг пойти в парикмахерскую отеля и обрить голову, – так было в Меттрэ, заявил он. Когда он вернулся, я заметил у него шрам, похожий на след после трепанации, который я прежде не видел из-за густой шевелюры. Может, ему вырезали какой-нибудь нерв, отвечающий за желание? Я привез его сюда, чтобы он немного встряхнулся, но его ничто не привлекает, не тянет ни к девочкам,

ни к мальчикам, он смотрит на них на улице, как если б то были священные коровы или рикши с колясками. Я был бы разочарован, если б решил воспользоваться его услугами, чтобы заполучить какую-нибудь девушку. Что ж, я имею дело с тем, кого обычно зовут простаком, невинным младенцем, или, быть может, он ломает комедию, придумав стратегический план, о котором я не подозреваю? Он заставил меня сменить зеленые кроссовки Nike, в которых я буквально парил над землей, на ботинки Palladium, якобы более модные и лучше защищающие от змей и скорпионов. Как глупо: здесь нет ни змей, ни скорпионов.

41

Когда дождь заканчивается и мы с лакеем выходим прогуляться по улицам Бангкока, у меня перед глазами возникает будто видение: наши отражения – мое и лакея – маячат в большом зеркале, которое несет на спине идущий перед нами вприпрыжку невольник. Я различаю наши очертания в схожих одеждах и порой не знаю, то ли это он слева, то ли это я справа, словно мы один и тот же двоящийся в отражении человек. Иногда в зеркале я вижу нас переодетыми в женщин. Картина довольно ко-

мичная. Лакей – юная компаньонка во всем черном, эдакая мрачная наперсница в капюшоне; я – трепещущая каланча в высоких белых кожаных сапогах, тщедушные бедра облегает черное трико, юбки нет вообще, сверху кожаная куртка и роскошные волны рыжего парика, перевязанного тугой лентой, которая незаметно оттягивает назад кожу лица, на мне затемненные со всех сторон панорамные черные очки, я знаю, что мне восемьдесят, но издали я выгляжу на восемнадцать. Видение это бесконечно меня очаровывало.

«Как вам удалось присвоить наследство вашего прадеда?», – спросил лакей, когда мы вернулись из Таиланда. Я был в изумлении. Чтобы выиграть время, я попросил его повторить вопрос. «Откуда такие мысли?» – рискнув, спросил я. – «Знаете, месье, тут все просто: когда поступаешь на службу к такому человеку, как вы, то пытаешься понять, каковы его дурные наклонности. Пускаешься на любые ухищрения, ищешь повсюду. И, когда, наконец, понимаешь, испытываешь невероятное облегчение. Всегда помнишь об этом и, хотя продолжаешь относиться к своему хозяину с уважением,

знаешь, что ты – сильнее его. Однако надо сделать так, чтобы хозяин не догадался, что лакей знает о тайных его пороках, иначе он перепугается и отступится от былой роли». – «Чего ты напридумывал, откуда ты взял эту историю о наследстве?» – «Не понимаю, зачем вы храните завещание вашего прадеда; вероятно, вас мучает совесть и вы оставили вещественное доказательство на случай, если вдруг почувствуете раскаяние. И все же это невероятно глупо; документ, о котором я говорю, совершенно вас компрометирует, вы должны были его порвать». Одно мгновение я думал, что он собирается меня шантажировать. Но нет, все было иначе: «В общем, если вы его не порвете, я сам это сделаю». – «Как так случилось, что ты его прочитал?» – «Что же, вы думаете, я делаю, пока вы без конца спите? Бью баклуши? Так нет же, месье, я совершаю осмотр. Провожу раскопки. Доискиваюсь, в чем изъян. Устраиваю полнейший беспорядок, а потом бережно раскладываю все по местам. Теперь, благодаря вашим залежкам макулатуры, я могу воссоздать всю вашу биографию от рождения и до смерти, той самой, что вскоре случится. Должно быть, прадед не очень-то вас любил, раз оставил все Обществу защиты

животных. Это, и правда, подлый поступок. Но то, что сделали вы, еще хуже: вы отняли деньги у благотворительного общества и нарушили последнюю волю прадеда. Вероятно, он бы задохнулся от гнева, если б только представил, что деньги, которые он, постоянно работая, всю жизнь откладывал, достанутся вам, зловредному правнуку, циничному денди». Циничный денди... я прекрасно помнил эти слова, они записаны в моем блокноте в самом начале, вот и доказательство, что лакей его читает, но я молчу. «Если я правильно понимаю, – стервенеет он, – то с момента, как я начал на вас работать, подлог этот, обтяпанный с помощью продажного, полагаю, нотариуса, кормит меня, полирует, наводит глянец и позволяет совершать нелепые и бессмысленные поездки, для меня лично не представляющие ни малейшего интереса?! На месте этих хорóм должна быть псарня! Только представьте, он все оставил животным! Тощим бродячим собакам, которые воют от голода, пока их не прикончат. Животным тоже нужна любовь, мсье!»

Лакею предлагают сняться во втором фильме, по-видимому, еще более посредствен-

ном, нежели первый. Не понимаю, как они отыскали его у меня, на рю Варенн, ведь у него же никогда не было законного места проживания, если не считать исправительной колонии и гостиниц в Марселе, когда он прежде снимался (у меня он работает нелегально). Может, кто-то узнал его на улице и проследил до самого дома? Но мне повезло, он ходил за покупками, когда консьержка из седьмого дома принесла почту. Я колебался, – письмо было адресовано ему, – стоит ли вскрывать конверт, однако от него исходила, распространяясь по всему дому, смутная, тошнотворная угроза. Безусловно, я правильно сделал. Дабы соблазнить, ему обещали кругленькую сумму, которая позволила бы оплатить на время съемок гостиницу и бросить меня. Чтобы не кривить душой, я взглянул на сценарий и сопроводительное письмо, прежде чем бросить это дело в помойку: речь шла всего лишь о продолжении предыдущего фильма, – минуло несколько лет, лакей уже позабыл преступную жизнь и вкалывает, чтобы воссоединиться с нормальным обществом. Но, если первый режиссер был заурядным клепателем психодрам, то этот со всей очевидностью оказался педерастом-вуайеристом. Каждая сцена – повод, чтобы

оголить плечо или какую-нибудь другую часть тела по пути к неотвратимому эпизоду в душевой. Все это разволновало бы моего мальчика. В доме нет ни единого намека на полученное письмо, – которое, опасаясь, пришлют повторно, – за исключением листка бумаги, где я о письме рассказываю, но, должен признаться, теперь мне жаль рвать свои записи, я пристрастился к этому занятию, о котором в течение восьмидесяти лет ничего не знал.

Это был настоящий спектакль, который сам я ни за что бы не смог придумать, даже тогда, когда у меня еще водились какие-то мысли. Лакей, влетев в гостиную, выпалил: «Месье, я откопал хорошего Пикассо на Международной ярмарке, мне нужно семьдесят миллионов!» Я и не подозревал, что лакей околачивается на ярмарке современного искусства в то время, когда его отправили за едой в магазин. Я спросил: «Семьдесят миллионов старыми или новыми?» Порой, я подозреваю, лакей пользуется тем, что я путаю старые и новые франки. «Новых, конечно же!» – отвечал он. – «Так, подожди, а сколько же это в старых?» Я хотел выиграть время,

чтобы измыслить какой-нибудь правдоподобный ответ. Лакей несколько мгновений подумал и выдал-таки мне роковое число: «По вашему исчислению это семь миллиардов. Но я уже внес из собственного кармана задаток в размере пятисот тысяч франков, вам остается доплатить лишь шестьдесят девять миллионов пятисот, не такая уж космическая сумма, учитывая имеющееся состояние, но мне нужна подпись месье». Я взорвался: «Ты сошел с ума! Я не могу взять семь миллиардов в Вормсе, и даже если сниму часть со счета в Лазарде!..» – «Я уже договорился с Рено де ля Мартиньером, клянусь, это совсем не проблема», – ответил лакей. – «Ко мне сразу заявится налоговая, или же к тебе нагрянет полиция. И речи быть не может, чтобы я дал тебе эти деньги». – «Месье неправ, – парировал вслед лакей, – Пикассо просто чудесный, месье сам мог бы это признать, и, ко всему прочему, это замечательное вложение». – «Да ну зачем тебе Пикассо? У тебя уже есть Грёз, Юбер Робер и Тулуз-Лотрек в спальне, тебе что, недостаточно?» – «Нет, месье, в моей спальне нет больше ни Тулуз-Лотрека, ни Грёза, ни Юбера Робера, потому что я их продал». – «Как так? Ты украл Грёза, Юбера

Робера и Тулуз-Лотрека моей прабабки?» – «Я сделал это не ради денег, месье, мои намерения были более благородны. Вы меня как-то обидели, а я тогда был еще очень молод, раним, мне хотелось сделать ответную гадость. К тому же, я не совсем идиот, если б я хотел получить максимальную выручку, то вряд ли бы отправился на блошинный рынок на Порт-де-Ванв, чтобы сплавить их там воскресным утречком, выдав за копии Лотрека, Юбера Робера и Грёза, вы бы все равно не поверили». – «То есть, именно так ты и сделал?» – спросил я в полном смятении. «Конечно, месье. Я всегда говорю месье правду». Обезумев от гнева, я бросился к дверям его спальни, попытался открыть их, но он помешал. Мы подрались. Я упал навзничь. Он меня поднял. Пикассо, действительно, замечательный. У лакея, ко всему прочему, прекрасный вкус.

Открыл для себя радости недержания. Вначале это были лишь несколько последних капель, которые вытекали помимо моей воли, когда лакей, присев на корточки, застегивал мой ремень. В течение долгих месяцев мне удавалось это от него скрывать. Затем я позволил себе время от вре-

мени пускать теплые струйки в горячую воду ванной, где, в конце концов, у меня уже постоянно стало возникать желание помочиться, чтобы не вставать, слыша, как потрескивают суставы, и просить, чтобы меня довели до ледящего унитаза. Когда лакей это просек, он заявил: «Если месье вновь будет писать в ванну, я перестану сливать из нее воду и месье будет купаться в собственном холодном ссанье, тогда он поймет, приятно ему или нет». Но это осталось только угрозой. И потом однажды это произошло на диване, поскольку я был совсем один; мне приснился кошмар, я не осмелился разбудить лакея, и меня внезапно сковал жуткий, жуткий страх темноты. Снилось, что в дом хочет силой пробраться какой-то парень, бубнивший за дверь: «Это я, Серафин!». Я никогда никакого Серафина не знал. Потекло по пижаме, вначале только несколько теплых капель, мне казалось, это текут слезы, правда, текут они снизу. Теперь у меня огромные мягкие штанишки, которые все в себя впитывают. Это несколько ободряет, мне удобно, надо только расслабить живот, когда хочется, вместо того, чтобы терпеть бессмысленные спазмы. Лакей все уберет, об этом я могу его попросить. «Я больше

не буду называть вас „месье“, я буду называть вас „малыш“ или „месье малыш“, потому что теперь вы такой и есть, вы же с этим согласны?» А скоро настанет очередь диареи, от дерьма еще жарче, чем от мочи.

50 С такими клешнями омара писать становится все сложнее. Не знаю, смогу ли я продолжать этот рассказ. Может, лучше наговаривать все на магнитофон? Или же диктовать последующие части книги лакею? Но что он подумает о том, что я думаю про него? Я не осмелюсь выражать мысли с такой же вольностью. И кое-какие вещи я опасаясь ему поверять, вдруг он потом учинит расправу? Теперь я убежден, что он все же не находил моего блокнота, это я все напридумывал, сочетание слов «циничный денди» довольно часто употребляется. Я плохо представляю себе сеансы диктовки, которые могли бы как-то уменьшить нагрузку на руки. Знаю, что лакей делает не так уж много орфографических ошибок, я мог в этом убедиться, и он довольно-таки проницателен, вполне способен воспринимать различные тонкости, однако я не до конца в нем уверен. Диктовать ему продолжение рассказа означа-

ло бы полностью перед ним раскрыться, отдать ему душу и сердце, как говорится. И что он сделает с рукописью после моей смерти, которая, должно быть, не за горами? Мне бы не хотелось, чтобы он начал шантажировать наследников, дабы они отплатили ему звонкой монетой, он настолько непредсказуем! Может, я должен прямо сейчас уничтожить блокнот и больше о нем не думать, но он стал отчасти смыслом существования. Подобные рассуждения вызывают во мне страшное беспокойство: что станет с моим лакеем, когда я умру? Он должен будет покинуть дом на рю Варенн, если я не изменю завещание, съехать отсюда из-за пошлины на наследство, так как для иностранцев она достигает баснословных размеров.

51

Минувшей ночью я упал, пытаюсь встать с дивана, чтобы сходить в уборную. Я не хотел будить лакея. Но пришлось звать на помощь. Он оставил меня лежать на полу всю ночь. На то у него были свои причины, он сказал: «Нужно научиться лежать на полу и не паниковать при этом, поскольку не всегда есть кто-нибудь под рукой, чтобы поднять вас. Это хорошее упражнение.

Я отказываю месье в помощи не по злобе, вовсе нет, я протяну ему руку, он может быть в том уверен, но чуть позже, скажем, когда рассветет, а пока месье надо сделать над собой усилие и успокоиться, и не дрыгаться так, не вертеться, как перевернутый краб, это ничем ему не поможет». Я был в бешенстве, угрожал ему, перешел на «вы»: «Сейчас же вызовите пожарных или скорую помощь, иначе я вас уволю!» Лакей дерзил: «Не уволите, поскольку уже не можете без меня обходиться. Года два-три назад могли бы, но теперь слишком поздно, мы обречены идти вместе до самого конца. Поверьте, я подвергаю вас такому испытанию не ради собственного удовольствия, – это и для меня все крайне мучительно, – а ради того, чтобы предотвратить подобную ситуацию, когда пробьет час X. Я хочу, чтобы месье был спокоен и безмятежен, когда настанет черед перейти по ту сторону, иначе это будет жутким мучением и для вас, и для меня. Вы даже не можете представить, как я буду добр и мил, но успокойтесь же, черт возьми! Собаки вон спят на полу, и все у них прекрасно! Японцы тоже!» Опять эти японцы! Я голосил: «Поднимите меня сейчас же! Или вызовите пожарных! У меня, наверное, все ребра поломаны! Или по-

звоночник! Я очень больно ударился! У вас что же, нет и капли жалости?!» – «О пожарных и речи не может быть! – отрезал лакей. – Это самые что ни на есть скоты, я лично уверен, что у вас все цело, но вот, если сюда ввалятся пожарные, они быстро переломают вам и ребра, и позвоночник, это худшие реаниматологи на свете! Для них это такая рутина, что они все делают черти как! К тому же у них так несет из пасти, что вы просто задохнетесь, когда они начнут делать вам искусственное дыхание. Расслабьтесь, дышите глубже, время пройдет быстро». И так мы переругивались всю ночь, вспоминая то пожарных, то медитативные практики, то дзен, то карму, то «большой врыв», то «свет в конце туннеля», когда человек умирает. Время от времени лакей отодвигал занавеску, чтобы взглянуть, не начался ли рассвет. Когда наконец он меня поднял, казалось, он тоже страшно вымотан.

53

Кажется, морфий больше не действует. Мне больно. Больно везде. Ненавижу такие короткие фразы. Длинные фразы ненавижу тоже. Получается, я должен ненавидеть всякую писанину. Хотелось бы мне залезть

лакею в голову, узнать, что он там думает. Тогда бы я лучше писал. Он хитроумный, изворотливый, непредсказуемый, но душа у него чистая. Когда он делает инъекцию, я больше не чувствую жарких волн, ударяющих в голову, разогревающих все мое тело, спускающихся к ногам, которые все время мерзнут, все время холодны, как сердце и яйца. Лакей делает укол, мне больно, поскольку колоть больше некуда, но эффекта уже никакого. Никакой радости, никакого облегчения, никакого забытья. Должно быть, я настолько привык, что вещество больше не действует. Может, следует увеличить дозу? Поговорю с врачом, ведь это он достает морфий. Кажется, лакей бы давно его уже выгнал, если бы он не был моим поставщиком, но лакей знает, как нужно мне это лекарство. Пальцы на ногах ничего не чувствуют: никаких спазмов, никаких покалываний, никакого холода. И никакой жизни. И зачем на них надеты кроссовки, зачем эти ноги меня еще держат, ведь сами они уже мертвы?

Мне наконец-то удалось раскрыть тайну спальни лакея, поскольку я вдруг вспо-

мнил, что в большой связке, спрятанной в вазе эпохи Мин, должен быть дубликат ключа. Лакей всегда запирает спальню, когда идет за покупками, а глядеть в замочную скважину бесполезно, – от этого только сводит спину, – он заткнул ее с обратной стороны чем-то черным. Я мог бы представить нечто весьма забавное, нечто весьма неприятное или даже отталкивающее, но не то, что я там увидел. Кровать с балдахинном прабабушки была порублена топором так, чтобы из обломков получилась треугольная конструкция, напоминающая вигвам, поставленный в центре совершенно пустой комнаты, топор воткнут в верхушку вигвама, рядом красуется большое перо кровавого цвета. И в самом деле, нет и следа Грёза, Тулуз-Лотрека, Юбера Робера. Их заменили плакаты с изображениями космонавтов. Ковры лакей скатал и свалил в кучу в центре вигвама, устроив из них лежанку. Я нашел несколько заполненных окурками пепельниц и пожелтевшие номера «Либерасьон», где говорилось о фильме, в котором он снялся. И ничего, кроме этого сиуанского шатра, в котором он спит. Мебель и безделушки исчезли, я не осмелюсь спросить, с помощью каких чар они улетучились. Поскольку он сам вы-

брал картину, я настаивал, чтобы Пикассо висел у него. Но он повесил его в гостиной над моим диваном. Может, хотел, чтобы картина, пока я сплю, упала и размозжила мне голову?

56 Случайно толкнул дверь ванной и увидел, как лакей колет себя под язык. Он ворует у меня морфий, вот почему тот больше на меня не действует, лакей вкалывает мне воду вместо лекарства. Я мог бы и затворить дверь. Но проговорил: «А почему язык?» – «Так быстрее шибает в голову, – ответил он. – Только старики, как вы, колотся в руку, устраивают настоящую церемонию со жгутами, резиновыми ленточками, это само по себе вас вставляет, разве не так?» Я был не в состоянии продолжать разговор с лакеем, мне не хватало воздуха, казалось, я сейчас упаду, но я оставался стоять. Лакей опустил шприц. Он расположился перед зеркалом, опершись о раковину, чтобы наблюдать за собой. Сказал мне: «Дедушка обомлел, сейчас заведется, у него шизуху сперли!» Я хотел ударить его, но промахнулся. Он показал мне язык, – тот был синеватого цвета, разбухший, переполненный ядом, – и провел им по моей шее. Язык

омерзительный, страшно сухой и шершавый, словно напильник.

Лакей заявляет, что минувшей ночью я во сне кричал, взывая якобы к сатане: «То к сатане, – сказал он, – то к Аллаху, но не к Господу Богу». Весь день он на меня сердился. Говорит теперь: «Я не очень-то верующий, но нельзя оскорблять Иисуса!»

57

Я больше не встаю на ноги. Лежу на полу, съезжившись, скрючившись на боку, как зародыш, у меня текут слюни. Лакей приносит пиво и аквавит, он больше не поддерживает мне голову, когда я пью, так что глотаю, как получится, изо рта льется обратно. Он больше со мной не разговаривает и на вопросы не отвечает, или же бьет меня ногами, но это не очень больно, живот я заслоняю. Он говорит: «Можете вопить сколько угодно, ваш врач ни за что не заявит в полицию, поскольку тоже претяся с белых кристаллов. Вы разве можете представить, что морфинист по своей воле идет в участок?» Я весь дрожу, мне не хватает морфия, я умоляю лакея дать мне еще немного. Принимаясь за дедовщину, он бьет

меня по спине, по бокам, приговаривает: «Люди все больше ожесточаются. Так происходит по всему миру, не только здесь. Вы что, газет не читаете? Вот на днях в Корее на обочине дороги нарисовались двое подростков четырнадцати лет, остановили машину, начали угрожать, заставили людей из нее выйти, в машине ехала бабушка с пятилетней внучкой, подростки вынудили их выкопать у дороги яму и закопали обеих живьем, чтобы украсть какую-то мелочь. Я же с вами пока себя так не веду?» Он нассал на меня, чтобы я, как он сказал, учился помалкивать. Если бы он нассал на меня, когда ему было пятнадцать, может, тогда бы это еще как-то мне и понравилось. Но теперь слишком поздно, теперь это моча, от которой за версту воняет улиточным соком, мне сразу становится холодно. Теперь мы друг друга не переносим. Эта слабоумная мелкая сволочь уже не прячется, чтобы колотья, про язык он позабыл, теперь всаживает иглу в член, яйца и большую, выступающую на шее вену, говорит, что в жизни все надо испробовать, иначе она ничего не стоит. Он вызывает во мне отвращение. Оказалось, у него большой член, гораздо больше, чем у меня, когда я был молод. Мой собственный член скукожил-

ся, когда мне стукнуло шестьдесят, потом из него капало лишь несколько раз всего по несколько капелек, желтая бесплодная изморось. Если рассматривать жизнь как экзамен, то я провалил подряд все испытания. Я искал лакея вовсе не для того, чтобы он меня избивал. С головой у меня было плохо и в сорок лет, и даже в десять.

59

Лакей снова дает мне морфий и снова со мной разговаривает, объявляет: «Я готов на многие жертвы, лишь бы мне не страдал!» Теперь его черед изнывать от ломки, но он идет на это и старается не показывать. Из-за перерыва в несколько месяцев приход от морфия еще сильнее, ноги снова согрелись, в голове все кипит. Я диктую книгу лакею, он послушно, без комментариев, записывает, что я приказываю; затем я перечитываю текст, желая удостовериться, что он ничего не вымарал. Он наконец-то поднял меня с пола и перенес в мою бывшую спальню, в вигвам, устроенный из обломков прабабкиной кровати. Положил мне под голову большие подушки, чтобы я мог попить и не подавиться. Я должен пить много воды. Я не выношу больше пива, от него меня сразу тошнит. Я дрем-

лю, и из-за морфия у меня бывают своего рода видения, порой я даже не понимаю, кто лакей мне на самом деле – мой сын, мой отец? Кажется, он сильно из-за меня беспокоится, поскольку зовет врача почти каждый день. Он подарил ему Пикассо, сказав, что сделать это попросил я, а у меня больше нет сил возражать. Он говорит: «Не хочу ничего скрывать от месье. Мы с врачом уже договорились о причитающейся мне сумме. Когда вы умрете, я пойду работать к нему. Предпочитаю служить у морфиниста, к такому я хотя бы привык, а работать на того, кто не колется, значит просто сойти с ума, мне будет казаться, что я ни на что не годен».

Лакей заговаривает о нашей поездке в Бангкок, говорит: «Благодаря месье, у меня остались чудесные воспоминания... Из-за морфия я был не в себе, но, к счастью, вовремя спохватился. Приношу месье все свои извинения». Я бормочу ему: «Оставь ты меня в покое! Дай поспать!» Он протестует: «Чтобы месье погрузился в кому? Об этом и речи не может быть! Никаких доз увеличивать я не стану. Скорее, я понесу месье на руках или же на спине, какая бу-

ря бы не взыграла, буду держать его голову над водой до тех пор, пока и сам не начну тонуть. Поэтому я и продолжаю говорить с месье, чтобы мозг его по-прежнему получал и воспринимал сообщаемые мною сведения. А помнит ли месье «Шангри-ла» в Бангкоке, когда мы пили Sunrise, а рядом были голые девушки, эти богини, они танцевали прямо над нашими головами, вертелись возле металлических шестов, напоминающих фаллосы? Когда они расставляли ноги, волосы на их теле почти щекотали нам ноздри, месье это нравилось?» Я бурчу, чтобы досадить ему: «Нет, ничего такого не помню. Ты кто такой? Я тебя здесь никогда не видел. Ты из отряда пожарных? Реанимацией занимаетесь? Кто тебе дверь открыл?» – «Это я, месье. Я Джим, ваш лакей». – «Ким? Это тебя я подобрал в Таиланде?» Я нарочно притворяюсь, будто не узнаю его, чтобы он разозлился. Когда он выходит из себя, с ним наконец-то становится интересно. Тогда он не столь безнадежно банален.

61

*Киото–Анкоридж–Париж
Январь–февраль 2036*

**ИЗДАТЕЛЬСТВА KOLONNA PUBLICATIONS
И МИТИН ЖУРНАЛ ПРЕДСТАВЛЯЮТ**

62

ЭРВЕ ГИБЕР

МАЛЬВА-ДЕВСТВЕННИК

Не сам ли Гибер скрывается за этими странными персонажами, меняющими имена и предстающими в образах юного девственника, пылкого любовника, жертвы землетрясения или ученика, провожающего великого философа до могилы?

ЭРВЕ ГИБЕР

СМЕРТЬ НАПОКАЗ

Язык и член – полны жизни – оголены, у них нет кожи. Язык – говорит, мокнет в слюне, ест, сосет, входит внутрь и выходит. Член – его едят, он сам ест и льет свое семя. Излияния слов, слюны, спермы. Гомосексуальное тело – анально-фаллическое письмо. Именно тело, конечно же, говорит, пишет, исследуя себя и вписывая себя в текст. Устраивает представления, впадает в истерику, занимается садомазохизмом. Говорит о желании и оргазмах. Раскрывается, рвется, буравится. Описывает свои органы и заставляет играть их, словно музыкальные инструменты. Состоять в садомазохистских отношениях с письмом, – посредством его – вскрывать, препарировать собственно тело и препарировать самое письмо.

**ИЗДАТЕЛЬСТВА KOLONNA PUBLICATIONS
И МИТИН ЖУРНАЛ ПРЕДСТАВЛЯЮТ**

ЭРВЕ ГИБЕР

63

МОИ РОДИТЕЛИ

Почему двоюродная бабка Луиза перевернула вверх дном квартиру своей сестры Сюзанны? Какие документы она пыталась отыскать, и что было в сожженных письмах? Правда ли, что в них говорилось о постыдном проступке матери Эрве Гибера? Зачем его отец срочно покинул Ниццу, бросив свой ветеринарный кабинет, парусник, зеленый форд, двух лошадей и невесту? К какому шантажу прибегают родители маленького Эрве, дабы заполучить семейные реликвии? И где спрятано золото, которое то закапывают, то выкапывают, не в силах расстаться с ним? – Для родителей нет ничего страшнее неудержимой тяги сына к поискам истины.

ЭРВЕ ГИБЕР

ПРИЧУДЫ АРТУРА

Я хотел рассказать историю святого, живущего в наши дни и проходящего все этапы, ведущие к святости: распутство и жестокость, как у Юлиана Странноприимца, видения, явления, преображения и в то же время подозрительная торговля зверями. В конце – одиночество, нищета и, наконец, стигматы, блаженство.

**ИЗДАТЕЛЬСТВА KOLONNA PUBLICATIONS
и МИТИН ЖУРНАЛ ПРЕДСТАВЛЯЮТ**

64

ЭРВЕ ГИБЕР

ПОРОК

Гибер показывает нам странные предметы – вибрирующее кресло, вакуумную машину, щипцы для завивки ресниц, эфирную маску, ортопедический воротник – и ведет в волнующий мир: мы попадаем в турецкие бани, зоологические галереи, зверинец, кабинет таксидермиста, открывая для себя видения и страхи писателя и фотографа. Книга, задуманная и написанная в конце 70-х годов, была опубликована незадолго до смерти писателя.

МАРСЕЛЬ ЖУАНДО

МОЙ БЕСТИАРИЙ

Тесные, дружеские и при этом искренние, лишенные всяких недомолвок отношения у нас складываются только с животными. Они осыпают нас ласками, не отмеряя их, и дарят нам поцелуи без счета. Те, кто отказывают себе в обществе собаки или кошки, даже не сознают, сколько они теряют возможностей по-настоящему познать себя, соизмеряя с этими маленькими существами, гораздо менее отличными от нас, чем нам кажется. Во многих случаях они имеют право гордиться собой гораздо больше, чем мы.

**ИЗДАТЕЛЬСТВА KOLONNA PUBLICATIONS
И МИТИН ЖУРНАЛ ПРЕДСТАВЛЯЮТ**

ЭРВЕ ГИБЕР

65

ГАНГСТЕРЫ

Эрве Гибер написал «Гангстеров», когда уже был болен неизлечимой болезнью. Он ни разу не упоминает ее, но повествование наполнено страхом смерти. Критик газеты Le Monde назвал эту книгу «трактатом о боли».

ГЕРТРУДА СТАЙН

АВТОБИОГРАФИЯ КАЖДОГО

Окрыленная успехом «Автобиографии Элис Б. Токлас», Гертруда Стайн решила написать сиквел: «И вот приходит время, когда я могу рассказать историю моей жизни». Стайн подробно рассказывает о своей юности, об отношениях с братом. Но особенно ее волнует трансформация собственной личности, случившаяся после выхода «Автобиографии Элис Б. Токлас». Детально описана поездка в США, перемены, происшедшие с Америкой за тридцатилетнее отсутствие Стайн. «Автобиографию каждого» Стайн заключает словами: «Быть может, я – это не я, даже если меня не укусит собака моя, но, так или иначе, мне нравится то, что у меня есть, а сейчас – сегодня».

**ИЗДАТЕЛЬСТВА KOLONNA PUBLICATIONS
И МИТИН ЖУРНАЛ ПРЕДСТАВЛЯЮТ**

66

КАТРИН КОЛОМ

ДУХИ ЗЕМЛИ

Древние волны потихоньку разрушают стены замков, деревья плетут заговор, лесные существа, боящиеся света, обступают деревню плотным кольцом, ядовитые пауки бегут с берегов озера на террасы, черви заползают в желудки, и дети-призраки, играющие на зеленых трубах, вот-вот найдут звук, точный, вражеский, от которого дома и церкви рассыпятся до основания.

ЭДВАРД МОРГАН ФОРСТЕР

ФАРОС И ФАРИЛЛОН

Британский писатель Эдвард Морган Форстер (1879–1970) был одним из создателей «александрийского мифа» XX века. Его усилиями египетский город, живущий торговлей «хлопком, луком и яйцами», в котором, казалось бы, не осталось ничего от города Александра, Клеопатры и Антиноя, превратился в одну из важных тем европейской литературы. Форстер разглядел в скучной улице Розетт, безуспешно пытающейся подражать парижским бульварам, Канопскую дорогу города Александра Великого, а в обитателях городского дна – персонажей александрийской поэзии.

**ИЗДАТЕЛЬСТВА KOLONNA PUBLICATIONS
и МИТИН ЖУРНАЛ ПРЕДСТАВЛЯЮТ**

Хуан Гойтисоло

67

ПЕРЕД ЗАНАВЕСОМ

Образ репья, растоптанного сапогами российских солдат, сначала отправленных воевать в Чечню царем, потом Ельциным, потом Путиным – часто возникает в моей повести, я пишу об абсурдности и нескончаемости варварства. Зверства побеждают прогресс, в этом смысле в обществе немного меняется, а жестокости гражданской войны в Испании повторяются во всех войнах. Возможно, нас следует назвать бесчеловечной расой?

Александр Ильянен

БУТИК VANITY

Светящееся здание «Бутика Vanity» теперь открыто для посещения. Пустующие этажи романа-с-ключом и романа-без-вранья, нового романа и петербургской повести Александр Ильянен заполняет прозой высокой концентрации, прекрасной ясности, хирургической точности – и давно забытого образца. Чтобы оценить возможности этой эфирной скорописи, не нужны навыки дешифровщика: так мог бы писать какой-нибудь пушкин-007 – обезьяна, тигр и француз в одном прозрачном флаконе. Книга удостоена премии Андрея Белого.

**ИЗДАТЕЛЬСТВА KOLONNA PUBLICATIONS
И МИТИН ЖУРНАЛ ПРЕДСТАВЛЯЮТ**

68

КЭТИ АКЕР

ЭВРИДИКА В ПОДЗЕМНОМ ЦАРСТВЕ

Главными темами текстов, собранных в этой книге, – от исповеди «Политика» (1972), написанной, когда Кэти Акер работала в секс-шоу на 42-й улице в Нью-Йорке, до драмы «Эвридика в подземном царстве» (1997), завершенной незадолго до смерти писательницы от неизлечимой болезни, – остаются чувственность, язык, насилие, принуждение, власть. Письмо, безумие, власть, насилие, тело. Чувственность, язык, тело, власть, безумие.

ДЖЕЙМС ПАРДИ

Я – ИЛАЙДЖА ТРАШ

Престарелая, но прекрасная наследница нефтяного состояния уговаривает истекающего кровью чернокожего юношу следить за объектом ее желаний – девяностолетним Илайджей Трашем, актером ослепительной красоты. Однако ветреный Илайджа любит только одно существо – своего немого правнука. Впервые на русском языке – сюрреалистический роман великого американского прозаика.

**ИЗДАТЕЛЬСТВА KOLONNA PUBLICATIONS
и МИТИН ЖУРНАЛ ПРЕДСТАВЛЯЮТ**

ГЕРАРД РЕВЕ

69

ПИСЬМА СИМОНУ К.

Единственное – это Искусство. Я имею в виду, это единственное, что дает удовлетворение. Телесная любовь, вино, – они подавляют всё. Искусство дает опору ввиду своей полнейшей никчемности. И церковь, конечно, покуда она не имеет смысла и не ввязывается в общественные перебранки, в которых до сих пор с безошибочной уверенностью отдавала предпочтение убийцам, гангстерам и черни.

ЭРКЮЛИН БАРБЕН

ВОСПОМИНАНИЯ ГЕРМАФРОДИТА

Судьба Эркюлин Барбен (1838–1868), мужчины, которого двадцать лет считали женщиной, – загадочна и драматична. Автобиографические заметки Барбен являются не только уникальным историческим свидетельством, но и в высшей степени захватывающим чтением. Во Франции они были подготовлены к печати знаменитым философом Мишелем Фуко для первой части задуманной им серии «Параллельные жизни».

**ИЗДАТЕЛЬСТВА KOLONNA PUBLICATIONS
И МИТИН ЖУРНАЛ ПРЕДСТАВЛЯЮТ**

70

ДЖОРДЖ СИЛЬВЕСТР ВИРЕК

ДОМ ВАМПИРА

Первый американский декадент Джордж Сильвестр Вирек (1884–1962) впервые приходит к русскому читателю с романом «Дом вампира» (1907). В книгу включены записи разговоров Вирека с Адольфом Гитлером, Зигмундом Фрейдом, Магнусом Хиршфельдом, материалы о его отношениях с лордом Альфредом Дугласом и Алистером Кроули.

ЖИЛЬ СЕБАН

**ДОМОДОССОЛА.
САМОУБИЙСТВО ЖАНА ЖЕНЕ**

Жизнь Жене напоминает комическую сценку, душераздирающую и наводящую ужас, – что-то вроде циркового номера, по окончании которого клоуны выходят за ограду шапито, влезают в автофургон и с фатальным лязгом захлопывают двери, а затем, даже не сняв грим, нажимают на курок и вышибают себе мозги.

**ИЗДАТЕЛЬСТВА KOLONNA PUBLICATIONS
И МИТИН ЖУРНАЛ ПРЕДСТАВЛЯЮТ**

ГЕРАРД РЕВЕ

71

**ПО ДОРОГЕ
К КОНЦУ**

Романы в письмах Герарда Реве (1923–2006) стали настоящей сенсацией. Никто еще из голландских писателей не решался так откровенно говорить о себе, своих страстях и тайнах. Перед выходом первой книги, «По дороге к концу» (1963) Реве публично признался в своей гомосексуальности. Второй роман в письмах, «Ближе к Тебе», сделал Реве знаменитым. За пассаж, в котором он описывает пришествие Иисуса Христа в виде серого Осла, с которым автор хотел бы совокупиться, Реве был обвинен в богохульстве, а сенатор Алгра подал на него в суд. На так называемом «Ослином процессе» Реве защищался сам, написав блестящую речь, и все обвинения с него были сняты. Две книги, впервые публикующиеся в русском переводе, сыграли в жизни Герарда Реве решающую роль и стали подлинным событием литературы XX столетия.

Книги издательств «Митин Журнал»
и «Kolonna Publications» можно приобрести в *Москве*:

«Фаланстер», Малый Гнездниковский переулок, д. 12/27
«Циолковский», Большая Молчановка, д. 18
«Москва», ул. Тверская, д. 8
«Московский Дом Книги», ул. Новый Арбат, д. 8
«Библиоглобус», ул. Мясницкая, д. 6/3, стр. 5
«Индиго», ул. Петровка, д. 17, стр. 2
«Dodo», ул. Солянка, д. 1/2, стр. 1

в *Санкт-Петербурге*:

«Порядок слов», Наб. Фонтанки, д. 15
«Все свободны», Наб. Мойки, д. 28, второй двор
«Свои книги», ул. Репина, д. 41 (во дворе)

через *Интернет*:

«Ozon» ozon.ru
«Книга» kniga.ru
«Лабиринт» labirint.ru
«Лавка Я + Я» shop.gay.ru/books

на *Украине*:

«Либра» librabook.com.ua